

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-232-238

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

ТИМАКОВ Кирилл Дмитриевич,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Российская Федерация, г. Москва,

e-mail: mail@law-books.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ФОРМА ПСИХИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕХАНИЗМЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Цель статьи заключается в уточнении пределов уголовно-правовой оценки кибербуллинга в случаях, когда сетевое давление связывается с самоубийством либо покушением на самоубийство потерпевшего. Рассматриваются не общесоциальные признаки интернет-травли, а те обстоятельства, которые имеют значение для применения статьи 110 УК РФ: характер угроз, форма унижения, адресность воздействия, роль цифровой среды, причинная связь и вина лица. Исследование основано на анализе уголовного, административного и информационного законодательства, судебной статистики за 2024 год, отдельных судебных актов 2023-2024 годов, а также современных публикаций по проблемам кибербуллинга, дистанционного психического насилия и преступлений суицидальной направленности. Обосновывается позиция, согласно которой сам по себе термин «кибербуллинг» не образует самостоятельного уголовно-правового признака. Значение для квалификации возникает тогда, когда сетевое поведение выражается в угрозах, жестоком обращении либо систематическом унижении человеческого достоинства и создает для конкретного потерпевшего психотравмирующую ситуацию. Практическая значимость статьи состоит в предложении критериев, позволяющих отличать преступное воздействие от гражданско-правового спора, административного правонарушения и грубого, но не преступного сетевого конфликта.

Ключевые слова: кибербуллинг; доведение до самоубийства; психическое воздействие; цифровая среда; причинная связь; квалификация преступлений; информационно-телекоммуникационная сеть; несовершеннолетние.

TIMAKOV Kirill Dmitrievich,

Postgraduate student, Autonomous Non-Profit Higher Education Institution Moscow University Synergy, Russian Federation, Moscow

CYBERBULLYING AS A FORM OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE IN THE MECHANISM OF DRIVING A PERSON TO SUICIDE: ISSUES OF CRIMINAL LAW QUALIFICATION

Annotation. The article clarifies the limits of criminal-law assessment of cyberbullying where online pressure is connected with suicide or attempted suicide. The research focuses not on cyberbullying as a broad social phenomenon, but on legally relevant circumstances for applying Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation: the content of threats, humiliation, targeted influence, the role of the digital environment, causation and guilt. The study relies on criminal, administrative and information legislation, judicial statistics for 2024, selected court decisions of 2023-2024, and recent academic works on cyberbullying, remote psychological violence and suicide-related crimes. The article argues that the term "cyberbullying" itself is not an independent element of a crime. It becomes legally significant only when online conduct takes the form of threats, cruel treatment or systematic humiliation and creates a psychotraumatic situation for a specific victim. The practical value of the study lies in criteria for distinguishing criminal influence from civil disputes, administrative offences and offensive but non-criminal online conflicts.

Key words: cyberbullying; driving a person to suicide; psychological influence; digital environment; causation; criminal qualification; information and telecommunication network; minors.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие цифровых коммуникаций изменило не юридическую природу преступлений против личности, а способ их фактического совершения. Унижение, шантаж, угрозы и преследование все чаще переносятся в переписку, закрытые группы, социальные сети, каналы и чаты. В такой среде давление получает свойства, которые редко характерны для обычного межличностного конфликта: сообщение можно сохранить, переслать, опубликовать повторно, показать неопределенному кругу лиц. Потерпевший не всегда способен остановить распространение материала даже после прекращения общения с виновным.

В Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее - УК РФ) кибербуллинг не выделен в самостоятельный состав преступления [1]. Поэтому использование этого термина в научном или бытовом смысле не решает вопрос о квалификации. После принятия Федерального закона от 07.06.2017 № 120-ФЗ (далее - Федеральный закон № 120-ФЗ) в УК РФ появились специальные нормы о склонении к самоубийству, содействии его совершению и организации соответствующей деятельности [2]. Однако ст. 110 УК РФ по-прежнему охватывает доведение лица до самоубийства или покушения на самоубийство при наличии предусмотренных законом способов воздействия.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее - Федеральный закон № 149-ФЗ) раскрывает информационно-телекоммуникационную сеть через технологическую возможность передачи информации с использованием средств вычислительной техники [3]. Для уголовно-правового анализа важно не само техническое определение сети, а то, что цифровая инфраструктура способна превратить частное сообщение в длительный и трудно прекращаемый источник давления.

Научные публикации последних лет справедливо связывают рост цифровых преступлений против личности с расширением повседневного интернет-общения [5]. При этом кибербуллинг занимает пограничное положение. В одних случаях речь идет о недопустимом, но непреступном конфликте; в других - об оскорблении, нарушении частной жизни, клевете, угрозе либо деянии суицидальной направленности. Ошибка квалификации здесь особенно чувствительна: чрезмерно широкое толкование ст. 110 УК РФ подменяет состав преступления моральной оценкой, а чрезмерно узкое - исключает уголовно-правовую реакцию там, где цифровое давление фактически ломает

сопротивление потерпевшего.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы определить условия, при которых кибербуллинг может рассматриваться как форма психического воздействия в механизме доведения до самоубийства. Для этого необходимо сопоставить ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, раскрыть значение адресности и непрерывности сетевого давления, оценить роль причинной связи, а также показать, какие выводы можно сделать из современной судебной практики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В качестве материалов использованы положения УК РФ, Федерального закона № 120-ФЗ, Федерального закона № 149-ФЗ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее - КоАП РФ)[4], сведения судебной статистики за 2024 год, отдельные судебные акты о преступлениях суицидальной направленности, а также публикации 2021-2025 годов, посвященные кибербуллингу, кибернасилию, дистанционному психическому воздействию и доказыванию причинной связи.

Формально-юридический метод применен при толковании диспозиций ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ. Системный подход позволил рассмотреть сетевую травлю изолированно, а во взаимосвязи с охраной жизни, достоинства личности, тайны частной жизни и информационной безопасности. Анализ судебной практики использован не для вывода о массовости соответствующих дел, а для выявления тех обстоятельств, которые суды признают значимыми при описании угроз, унижений, цифровых следов и причинной связи.

Термин «кибербуллинг» имеет междисциплинарное содержание. В юридической литературе он описывается как травля с применением информационно-телекоммуникационных сетей [6]. Волосова, Епанчинцева и Шмелева рассматривают его одновременно в криминологическом, уголовно-процессуальном и психологическом аспектах [7], а вопрос о кибернасилии связывается с более широкой проблемой криминализации цифровых форм воздействия [8]. Для настоящей статьи эти подходы имеют прикладное значение: они помогают описать фактическую ситуацию, но не заменяют признаков уголовно-правового состава.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Для применения ст. 110 УК РФ недостаточно назвать поведение кибербуллингом. В социальной плоскости это понятие может охватывать насмешки, исключение из группы, оскорбительные комментарии, рассылку

личных сведений, создание поддельных страниц, навязчивые сообщения и публичное высмеивание. В уголовном праве такой широкий перечень нуждается в сужении. Суд должен видеть не общий фон травли, а конкретный способ воздействия, его адресата, наступившее последствие, причинную связь и субъективное отношение виновного.

Ключевая позиция автора состоит в следующем: интернет-травля приобретает значение для ст. 110 УК РФ лишь тогда, когда она превращается в индивидуально направленную психотравмирующую ситуацию. Иначе говоря, правовая оценка зависит не от того, что конфликт происходил в сети, а от того, лишало ли поведение виновного потерпевшего ощущения безопасности, контроля над личной информацией, социальной репутацией или возможностью прекратить давление. Идея о том, что психическое насилие может реализовываться дистанционно и причинять самостоятельный вред, развивается в работах И.Н. Мосечкина [9]. Для дел о суицидальных последствиях она позволяет объяснить, почему отсутствие физического контакта не исключает уголовно-правового значения поведения.

Механизм такого воздействия включает несколько юридически значимых признаков. Первый - адресность: давление должно быть связано с конкретным потерпевшим, а не с неопределенной полемикой в сети. Второй - интенсивность либо повторяемость: ст. 110 УК РФ говорит о систематическом унижении, однако однократная угроза распространить интимные изображения может иметь самостоятельное значение как угроза, если ее содержание создает острую ситуацию публичной уязвимости. Третий - сохранение травмирующего эффекта во времени. Публикация, фотография, видеозапись или сообщение продолжают существовать после отправки, пересылаются третьими лицами и возвращают потерпевшего к переживанию унижения. Оценочный характер понятия унижения, на который обращает внимание А.Г. Брагина [10], в цифровой среде требует учитывать не только текст, но и аудиторию, контекст, повторное распространение и возможность удаления материала.

Объективная сторона доведения до самоубийства может выражаться в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении человеческого достоинства. В интернет-коммуникации угроза нередко принимает нефизическую форму: виновный обещает распространить интимные изображения, сведения о частной жизни, компрометирующие записи, переписку или ложные обвинения. Такая угроза способна разрушить привычные

социальные связи потерпевшего не менее серьезно, чем непосредственное запугивание. И.В. Ханова обоснованно указывает, что IT-технологии меняют фактический способ совершения преступлений, связанных с суицидом, но не освобождают правоприменителя от проверки всех признаков состава [11]. Поэтому граница уголовной ответственности проходит не по факту публикации или переписки, а по тому, возникла ли вследствие действий виновного психотравмирующая ситуация, предусмотренная логикой ст. 110 УК РФ.

В качестве примера имеет значение приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 08.05.2024 по делу № 1-15/2024 [12]. Из текста судебного акта следует, что виновный воздействовал на несовершеннолетнюю потерпевшую угрозами и унижением. Потерпевшая ранее передала ему изображения интимного характера; после прекращения отношений он стал угрожать распространением таких изображений и допускал оскорбительные высказывания. В результате потерпевшая оставила предсмертную записку и употребила лекарственный препарат в опасной дозе. Суд квалифицировал содеянное по ч. 2 ст. 110 УК РФ как доведение несовершеннолетней до самоубийства путем угроз и систематического унижения человеческого достоинства.

Ценность данного дела для темы статьи заключается не только в использовании мессенджера или иных цифровых средств. Оно показывает, как именно сетевое давление приобретает качество психического воздействия. Угроза обнародовать интимные изображения для несовершеннолетней потерпевшей означала не абстрактный конфликт, а риск публичного стыда, утраты контроля над частной информацией и резкого изменения отношений с ближайшим окружением. Значимыми оказались возраст потерпевшей, характер изображений, повторяемость угроз, содержание унижительных сообщений и доказательства, связывающие это давление с последующим суицидальным поведением.

Иное значение имеет кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 № 77-3490/2024 [13]. В нем рассматривалась квалификация по п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, то есть с учетом использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет. Суды исходили из того, что воздействие на потерпевшую осуществлялось через интернет-коммуникацию и выражалось в угрозах, жестоком обращении и унижении. Кассационная инстанция изменила судебные решения в части наказания, но сама квалификация с учетом цифрового способа сохранила значение.

Из этого акта следует важное ограничение. Интернет не образует самостоятельной объективной стороны доведения до самоубийства. Он лишь показывает, каким каналом реализованы угрозы, жестокое обращение или унижение. Поэтому по таким делам необходимо установить, что сеть использовалась как средство адресного преступного давления, а не просто как нейтральная площадка общения между участниками конфликта.

Апелляционное определение Московского городского суда от 31.07.2023 по делу № 10-9203/2023 демонстрирует противоположную сторону проблемы [14]. В деле фигурировали обвинения в вымогательстве и доведении до самоубийства путем угроз. Судебная коллегия отменила приговор в части ст. 110 УК РФ и возвратила дело прокурору, указав на существенные нарушения, связанные с описанием обвинения. Для рассматриваемой темы этот вывод принципиален: формулы вроде «оказывал давление», «унижал в сети» или «склонял к самоубийству» не могут заменить описания конкретных сообщений, дат, адресатов, аккаунтов, реакции потерпевшего и связи между коммуникацией и суицидальным поведением.

Разграничение ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ следует проводить не по названию цифровой платформы, а по юридическому содержанию поведения. Баева указывает на сложность толкования ст. 110.1 УК РФ, поскольку склонение и содействие нужно отделять от иных форм психологического влияния [15]. Один и тот же мессенджер может использоваться для шантажа, прямых уговоров совершить самоубийство, передачи инструкции, поиска способа либо администрирования группы суицидальной направленности. При ст. 110 УК РФ в центре находится создание психотравмирующей ситуации путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения. При ст. 110.1 УК РФ правовая оценка переносится на побуждение либо помощь в совершении самоубийства. Статья 110.2 УК РФ охватывает уже организацию соответствующей деятельности, а не индивидуальный конфликт как таковой.

Причинная связь является наиболее сложным элементом квалификации. Суицидальное поведение почти никогда не имеет одной причины: на решение потерпевшего могут влиять семья, здоровье, учеба, работа, личные отношения, зависимость от виновного, возраст и предшествующие травмирующие обстоятельства. Поэтому для ст. 110 УК РФ мало обнаружить грубую переписку или оскорбительную публикацию. Требуется показать, что действия обвиняемого создали либо существенно усилили кризис, в котором самоубийство или покушение

на него стало для потерпевшего субъективно воспринимаемым выходом. Статистика подтверждает ограниченность судебного массива: за 2024 год по ч. 1 ст. 110 УК РФ осуждено одно лицо, по ч. 2 ст. 110 УК РФ - двенадцать лиц; по ст. 110.1 УК РФ отражен один осужденный по ч. 3, а по ст. 110.2 УК РФ осужденные по ч. 1 и ч. 2 не указаны, при этом по ч. 2 отмечен один случай применения принудительных мер к невменяемому [16]. Петров связывает трудность таких дел с многофакторностью суицидального поведения и необходимостью доказать связь между действиями обвиняемого и поведением потерпевшего [17].

Идея специальной криминализации кибербуллинга выглядит привлекательной только на первый взгляд. Для целей ст. 110 УК РФ важнее не введение нового термина, а выработка критериев, позволяющих отделять преступное воздействие от гражданско-правового спора, административного правонарушения и этически недопустимого, но не преступного общения. Если законодательная конструкция будет слишком широкой, под уголовно-правовую оценку могут попасть грубые сетевые конфликты, которые не создавали суицидоопасной ситуации.

Практически применимыми критериями могут служить: индивидуальная направленность давления; его повторяемость либо высокая интенсивность; трудно прекращаемый характер травмирующей ситуации; выражение поведения в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении; использование уязвимости потерпевшего; осведомленность виновного о возрасте, зависимости, эмоциональной привязанности или ином значимом состоянии; временная и содержательная связь между воздействием и суицидальным поведением; подтверждение этих обстоятельств цифровыми, личными и экспертными доказательствами.

Отдельная проблема связана с доказыванием. Скриншот переписки или публикации удобен, но сам по себе не всегда отвечает на вопросы об авторстве, времени отправки, полноте контекста и неизменности данных. Надежная доказательственная база должна включать протоколы осмотра устройств и интернет-страниц, сведения операторов и администраторов ресурсов, компьютерно-технические исследования, данные о принадлежности аккаунтов, восстановленную переписку, показания свидетелей, медицинские документы и заключения специалистов. По делам, где речь идет о самоубийстве или покушении, проверяемость цифрового следа имеет решающее значение.

Итоговый подход можно выразить

следующим образом: кибербуллинг становится способом доведения до самоубийства тогда, когда он выходит за рамки сетевого конфликта и принимает форму адресного создания виновным психотравмирующей ситуации, способной привести конкретного потерпевшего к суицидальному поведению. Такая позиция не расширяет ст. 110 УК РФ за пределы ее текста, но позволяет учитывать особенности современной коммуникации: публичность, сохранность материалов, повторную пересылку, вовлечение аудитории и невозможность для потерпевшего полностью прекратить давление.

ВЫВОДЫ

Кибербуллинг не является самостоятельным преступлением в российском уголовном праве. Его правовое значение зависит от того, выражается ли конкретное поведение в признаках ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ либо иных составов преступлений против личности. Для ст. 110 УК РФ определяющим остается не сам интернет-формат общения, а создание психотравмирующей ситуации посредством угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства.

Цифровая среда усиливает психическое воздействие за счет постоянной доступности потерпевшего, публичности унижения, сохранения и повторного распространения материалов, участия аудитории, анонимности аккаунтов, угрозы раскрытия сведений частной жизни и трудности прекращения давления. Эти обстоятельства не подменяют состав преступления, но позволяют точнее оценить интенсивность, адресность и фактический механизм воздействия.

Рассмотренные судебные акты позволяют выделить несколько ориентиров для квалификации. В обвинении должны быть конкретизированы содержание угроз или унижений, цифровой канал связи, авторство сообщений, хронология событий, состояние потерпевшего и причинная связь. Уссурийское дело показывает, что угроза распространения интимных изображений в отношении несовершеннолетней может создать состояние публичной уязвимости и страха. Кассационная практика, напротив, напоминает: интернет имеет значение только тогда, когда выступает каналом преступного воздействия, а не случайным способом общения.

Разграничение ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ должно основываться на характере поведения виновного. Доведение до самоубийства связано с формированием психотравмирующей ситуации; склонение и содействие - с побуждением к самоубийству либо облегчением его совершения;

организация деятельности - с устойчивой системой действий, направленных на такое побуждение, включая администрирование интернет-сообществ или коммуникационных схем.

Для единообразия практики целесообразны разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о применении ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ в цифровой среде. В них следует раскрыть критерии систематического унижения в интернете, значение однократного интенсивного шантажа, правила оценки причинной связи, требования к доказыванию авторства сообщений и пределы учета реакции онлайн-аудитории. Такой подход позволит учитывать специфику кибербуллинга без преждевременного расширения уголовного закона.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706070011> (дата обращения: 12.05.2026).

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264> (дата обращения: 12.05.2026).

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (дата обращения: 12.05.2026).

[5] Перина А.С. Проблемные вопросы квалификации цифровых преступлений против личности // Вестник Югорского государственного университета. 2023. Т. 19, № 2. С. 89–104. DOI: 10.18822/byusu20230289-104.

[6] Чич Ю.А. Уголовно-правовая характеристика кибербуллинга — травли с использованием информационно-

телекоммуникационных сетей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5 (181). С. 160–164. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.24.

[7] Волосова Н.Ю., Епанчинцева Г.А., Шмелева Е.С. Кибербуллинг: криминологические, уголовно-процессуальные и психологические аспекты // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 3. С. 129–134.

[8] Волосова Н.Ю. Кибернасилие — вопросы понятия и криминализации // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2, № 2. С. 35–40. DOI: 10.33693/2782-7372-2023-2-2-35-40.

[9] Мосечкин И.Н. Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства // Психология и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 64–76. DOI: 10.17759/psylaw.2021110405.

[10] Брагина А.Г. Понятие «унижение» в уголовном праве: сущность, признаки и правоприменительная практика // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4. С. 123–131.

[11] Ханова И.В. Использование IT-технологий при совершении преступлений против жизни, связанных с суицидом: уголовно-правовой аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 74–80.

[12] Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 08.05.2024 по делу № 1-15/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: https://ussuriysky--prm.sudrf.ru/modules.php?delo_id=1540006&name=sud_delo&name_op=doc&new=&number=167807237&srv_num=1&text_number=1 (дата обращения: 12.05.2026).

[13] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 по делу № 7У-9480/2024 [77-3490/2024] // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/343941412/> (дата обращения: 12.05.2026).

[14] Апелляционное определение Московского городского суда от 31.07.2023 по делу № 10-9203/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2524647#5bbWQJVnyxqSGDiH> (дата обращения: 12.05.2026).

[15] Баева Д.С. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: вопросы толкования и применения // Социальные нормы и практики. 2025. № 1 (15). С. 64–71. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-1-64-71.

[16] Судебная статистика РФ. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 12.05.2026).

[17] Петров П.К. Детерминанты деяний, направленных на доведение до самоубийства (по материалам уголовной статистики Российской Федерации) // Виктимология. 2024. Т. 11, № 4. С. 557–565. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-4-557-565

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (access date: 12.05.2026).

[2] Federal Law No. 07.06.2017 of 120-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms to counter activities aimed at encouraging children to engage in suicidal behavior” // Official Internet portal of legal information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201706070011> (access date: 12.05.2026).

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264> (access date: 12.05.2026).

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (access date: 12.05.2026).

[5] Perina A.S. Problematic issues of qualification of digital crimes against the person // Bulletin of Ugra State University. 2023. VOL. 19, NO. 2. S. 89-104. DOI: 10.18822/byusu20230289-104.

[6] Chich Yu.A. Criminal law characterization of cyberbullying - bullying using information and telecommunication networks // Theory and practice of social development. 2023. № 5 (181). S. 160-164. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.24.

[7] Volosova N.Yu., Epanchintseva G.A., Shmeleva E.S. Cyberbullying: criminological, criminal procedural and psychological aspects // Gaps in Russian legislation. 2023. VOL. 16, NO. 3. S. 129-134.

[8] Volosova N.Yu. Cyberforce - issues of concept and criminalization // Lobbying in legislation. 2023. Т. 2, NO. 2. S. 35-40. DOI: 10.33693/2782-7372-2023-2-2-35-40.

[9] Mosechkin I.N. Remote mental violence: prospects for improving criminal law // Psychology and law. 2021. Т. 11, NO. 4. S. 64-76. DOI: 10.17759/psylaw.2021110405.

[10] Bragina A.G. The concept of “humiliation” in criminal law: essence, signs and law enforcement

practice//Altai Legal Bulletin. 2025. № 4. S. 123-131.

[11] Khanova I.V. The use of IT technologies in committing crimes against life related to suicide: criminal law aspect//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (61). S. 74-80.

[12] Sentence of the Ussuriysky District Court of Primorsky Krai dated 08.05.2024 in case No. 1-15/2024//State Automated System of the Russian Federation "Justice." URL: https://ussuriysky--prm.sudrf.ru/modules.php?delo_id=1540006&name=sud_delo&name_op=doc&new=&number=167807237&srv_num=1&text_number=1 (дата обращения: 12.05.2026).

[13] Cassation Ruling of the Judicial Collegium in Criminal Cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 19.12.2024 in Case No. 7U-9480/2024 [77-3490/2024]// Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/343941412/> (access date: 12.05.2026).

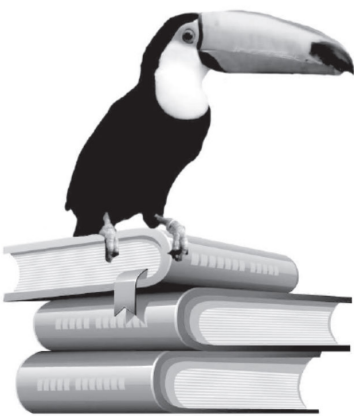
[14] Appellate ruling of the Moscow City

Court of 31.07.2023 in case No. 10-9203/2023//SPS "ConsultantPlus." URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2524647#5bbWQJVnyxqSGDiH> (дата обращения: 12.05.2026).

[15] Baeva D.S. Inclination to commit suicide or assistance to commit suicide: issues of interpretation and application//Social norms and practices. 2025. № 1 (15). S. 64-71. DOI: 10.24412/2713-1033-2025-1-64-71.

[16] Judicial statistics of the Russian Federation. Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code for 2024//Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (Accessed: 12.05.2026).

[17] Petrov P.K. Determinants of acts aimed at driving to suicide (based on the materials of criminal statistics of the Russian Federation)//Victimology. 2024. Т. 11, NO. 4. S. 557-565. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-4-557-565

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru